

**“Мы вас вылечим.
Алкоголики —
это наш профиль!”**

— Для Гайдая было важно, чтобы мы придумывали трюки. За каждый он предлагал нам по две бутылки шампанского. Никулин заработал так 24 бутылки. Я — 18. А Вицин, к сожалению, лишь одну. Потому что он страшно не любил шампанское. Он любил сдавать посуду...

Заметим, что трюк Вицина — украшение фильма: это эпизод, когда троица перегораживает дорогу, и Трус, дергаясь, обвисает на руках коллег. А сцену с огромным шприцем придумал Никулин.

— Он сказал: “Какой смысл делать третий маленький укол, если два уже сделали?” — вспоминал Моргунов. — Моргунову надо сделать большой”. И принес из цирка красивый шприц с французским названием “жане” — вот, мол, его и будем колоть. Я сказал: “Нет, колоть не будем, у меня семья”. Никулин говорит: “Не бойся, больно не будет”.

Крупным планом снимали лицо, а сзади между ног установили табуретку, сняли с нее сиденье и положили обычную подушку. Саша Демьяненко брал шприц и втыкал. Семь раз мы снимали этот кусочек, я его боялся как огня — потому что там все же рядом. Под табуреткой лежал Никулин, на руке у него была перчатка. Как только игла входила в подушку до упора, Никулин по команде Гайдая хватал ее рукой и держал. Это он поворачивал шприц то влево, то вправо, словно тот покачивается. А все думали, что Моргунову пронзили его толстый зад...

Кстати, именно Моргунов получал на съемках самую низкую ставку в троице — 25 рублей за съемочный день. В то время как Никулин — 50, Вицин — 40, Демьяненко — 50 рублей... Но меньше всех зарабатывала дебютантка Варлей: 13 рублей 50 копеек в день. На их фоне сценаристы, получившие по три тысячи рублей, выглядели просто миллионерами...

юбилей на бульваре

ЕСЛИ Б Я БЫЛ СУЛТАН...

Песни о медведях и о султанах, которые стали всенародными шлягерами, вполне могли таковыми и не стать. Потому что мелодии Александра Зацепина Гайдай, как ни странно, сначала не оценил по достоинству.

Зацепин обиделся. И пошел к Ивану Пырьеву с заявлением об уходе с картины.

Однако директор “Мосфильма” порвал его заявление и приказал срочно вылетать к Гайдаю в Алушту. Вместе с композитором отправился и поэт Леонид Дербенев.

Их ожидал сюрприз. Прямо в гостиничном холле Никулин, Вицин и Моргунов запели гостям зацепинскую мелодию. И бросились поздравлять композитора. Но Гайдай был как кремль. Даже мнение сценаристов Слободского и Костюковского его не поколебало. Однако, поостыв, разрешил Дербеневу написать слова на эту мелодию.

Но и потом, уже в Москве, песня “Где-то на белом свете” его опять не устроила. Режиссер не понимал, при чем здесь медведи, мороз... Он был уверен, что такую песню никогда не будет петь народ. Но через несколько дней Нина все равно твистовала под эту песню перед Шуриком. И лишь спустя много лет мастер поймет свое заблуждение, в чем публично признается и Зацепину, и Дербеневу.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ СОВЕТСКИЙ СУД!

В октябре, когда фильм был уже готов, руководство “Мосфильма” требует от Гайдая изменить фамилию Саахову. Оказывается, секретарем парторганизации студии одно время был человек со схожей фамилией — Сааков. Киночиновники завидрировали — ведь Саахов в картине персонаж отрицательный. Грозил переозвучка, на которую денег уже не было. Выручил Юрий Никулин, вхожий к министру культуры Екатерине Фурцевой. Он-то и поведал ей об

*«Зацепин обиделся:
«Если вам не нравится моя работа, пригласите другого композитора — того же Арно Бабаджаняна». И пошел к Ивану Пырьеву с заявлением об уходе с картины».*

*«Я сказал:
«Нет, колоть не будем, у меня семья». Никулин говорит:
«Не бойся, больно не будет».*

Гайдай:
“Невозможно работать”.
Никулин: *“Это... как его, — волонтеризм”.*

